

Первое Послание к Коринфянам

Основание Коринфской Церкви

Коринф лежит на перешейке, соединяющим Грецию с Мореей, или Пелопонесом. Построен он за полторы тысячи лет до Р. Хр. В 44 г. при Юлии Цезаре он был восстановлен после разорения и стал цветущим первым городом римской провинции Ахаии – резиденцией проконсулов. Он славился науками, искусствами и веселой жизнью, что привлекало в него множество жителей. Отличием его были так называемые «истмийские игры» и храм Афродиты. Можно сказать, что во времена апостольской проповеди Коринф был представителем греческого легкомыслия, ветрености и чувственных наслаждений.

Церковь в Коринфе была основана святым Апостолом Павлом во время его второго благовестнического путешествия около 53 года, после того, как он прошел с проповедью Филиппы, Солунь, Верию и Афины. Оставив в Македонии для утверждения веры своих учеников Силу и Тимофея, святой Павел направился в Грецию, и прибыл в Коринф после краткого пребывания в Афинах, как повествует об этом книга Деяний Апостольских (18:1⁶²). В Коринфе святой Апостол встретил добрых и гостеприимных людей Акилу и Прискиллу, иудеян родом из Понта, которые жили прежде в Риме, но переселились в Коринф по случаю изгнания имп. Клавдием всех Иудеев из Рима. Акила был «скинотворцем», то есть делателем палаток. Так как святой Павел знал это ремесло, то и поселился у них, чтобы трудами рук своих снискать себе пропитание. Если Акила и Прискилла не были еще прежде христианами то, надо полагать, они теперь были обращены святым Павлом, крещены им и стали ему помощниками в деле евангельского благовестия.

Каждую субботу Апостол проповедовал в иудейской синагоге, убеждая иудеев и еллинов-прозелитов, что нет иного спасения, как только в Господе Иисусе Христе. Когда пришли из Македонии Сила и Тимофей, святой Павел получил возможность усилить и расширить свою проповедническую деятельность, и учил уже не по субботам только, но и в остальные дни недели. У иудеев эта проповедь, однако, мало имела успеха. Они противились Апостолу, злословя его и Господень путь, им проповедуемый. Тогда святой Павел оставил синагогу с вразумительным для Иудеев действием и словом. Он отряс прах одежд своих и сказал им: «кровь ваша на главах ваших; я чист; отныне иду к язычникам» (Деян. 18:6). Смысл этих слов: «вина в вашей гибели на вас самих: я чист от нее. Я указывал вам путь спасения, а вы не хотите принять его.

Оставайтесь в вашей пагубе».

Дальнейшие христианские собрания с проповедью о Христе святой Павел стал устраивать неподалеку от синагоги, в доме некоего Иуста, чтущего Бога. Сюда собирались и язычники, и дело благовестия пошло успешнее: многие уверовали и крестились. Среди уверовавших был и сам начальник синагоги **Крисп** со всем домом своим. Но все же успех проповеди, видимо, не был велик, так что святой Павел хотел было вовсе удалиться из развращенного Коринфа, в котором он стал испытывать даже покушения на жизнь свою (2 Фесс. 3:2⁶³). Поэтому Сам Господь явился ему в видении ночью, чтобы ободрить и воодушевить его на дальнейшее служение в Коринфе (Деян. 18:9–10⁶⁴). Укрепленный этим явлением святой Апостол остался в Коринфе на полтора года, и в этот период времени проповедь его произрастила в Коринфе обильные плоды, так что церковь Коринфская стала знаменитой и прославилась обилием духовных дарований (1Кор. 1:5–7⁶⁵).

Когда Церковь Коринфская устроилась, святому Павлу предлежало направиться в другие места для проповеди. Отбытие его из Коринфа ускорилось в результате одного прискорбного происшествия. Раздраженные проповедью Апостола иудеи схватили его и привели на суд к проконсулу **Галлиону** с жалобой, что он «учит людей чтить Бога не по закону» (Деян. 18:13). Сущность этого обвинения состояла в том, что Павел сделался основателем какой-то новой секты, сверх дозволенных законами Римской Империи вероисповеданий. Галлион был братом известного римского философа Сенеки и дядей поэта Лукана, высокообразованным и благородным человеком. Он отказался разбирать дело, касающееся веры, а не гражданских отношений, и прогнал Иудеев от судилища. Презиравшие иудеев еллины, услышав такое решение Галлиона, устремились на них тут же в той же судебной палате и, схватив главного вожака возмущения начальника синагоги **Сосфена**, «били его перед судилищем; и Галлион нимало не беспокоился о том» (Деян. 18:14–17). Возможно, что этот Сосфен потом обратился ко Христу и это о нем упоминает святой Апостол, пища к Коринфянам в 1Кор. 1:1.⁶⁶

По особому, несомненно, Промыслу Божию, продолжателем дела Павлова в Коринфе явился некий иудеянин, по имени **Аполлос**. Он родился и воспитался в Александрии, откуда прибыл сначала в Ефес, а затем в Коринф. Это, по словам Деяписателя, был человек красноречивый и сведущий в Писаниях (Деян. 18:24⁶⁷). Отплывши из Коринфа, святой Павел на короткое время прибыл в Ефес, где оставил Акилу и Прискиллу, а сам отправился в Иерусалим и оттуда в Антиохию, откуда начал затем

свое третье Апостольское путешествие. По отбытии святого Павла из Ефеса, туда прибыл Аполлос, бывший уже христианином и горевший духом, но знавший только крещение Иоанново. Он начал смело учить в синагоге. «Услышав его, Акила и Прискилла приняли его и точнее объяснили ему путь Господень» (Деян. 18:26). Когда ему явилась нужда ехать в Ахаию, столицей которой являлся в то время Коринф, ефесские верующие дали ему рекомендательные письма к тамошним христианам. Прибыв в Коринф, Аполлос много содействовал уверовавшим, опровергая иудеев всенародно и «доказывая Писаниями, что Иисус есть Христос» (Деян. 18:27–28⁶⁸). Значение проповеди Аполлоса для утверждения христианства в Коринфе было столь велико, что святой Апостол Павел называет его поливателем насажденных им семян веры Христовой: «я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог» (1Кор. 3:6). Как долго Аполлос пробыл в Коринфе, неизвестно, но при написании первого послания к Коринфянам мы опять видим его в Ефесе вместе с Апостолом (1Кор. 16:12⁶⁹).

Повод к написанию

Во время пребывания Аполлоса в Коринфе святой Павел, осуществив свой план о посещении Иерусалима на Пасху, начал свое "третье" Апостольское путешествие из Антиохии и «проходил по порядку страну Галатийскую и Фригию»(Деян. 18:22–23⁷⁰), прибыл в Ефес для утверждения здесь Церкви Христовой (Деян. 19:1⁷¹). Тут до него стали доходить разные неблагоприятные слухи об оставленной им Коринфской Церкви. Он хотел было сам отправиться в Коринф прямо из Ефеса морем (2Кор. 1:15–16⁷²), но не решившись оставить Ефеса, вместо себя, отправил в Коринф своего возлюбленного ученика Тимофея, поручив ему пройти через Македонию и затем донести ему обо всем происходящем в Коринфской церкви. Между тем неблагоприятные слухи о Коринфской церкви стали повторяться и умножаться. Будто бы один из коринфских христиан допускал такой вид блуда, какой и у язычников не допускается (1Кор. 5:1⁷³). Затем пришли в Ефес домашние одной христианки Хлои и подтвердили Апостолу этот слух, рассказав при этом и многое другое недоброе, огорчив особенно Апостола рассказами о разных религиозных спорах и состязаниях (1Кор. 1:11–12⁷⁴). Создавалось впечатление, что в Коринфе возникли отдельные религиозные партии или секты. Прибывшие из Коринфа посланные от Коринфской Церкви **Стефан**, **Фортунат** и **Ахаик** несколько успокоили дух Апостола (1Кор. 16:17⁷⁵), но все же подтвердили наличие многих нестроений. Подтвердив слухи о блуде и о распрях, они передали и многое другое вновь: о тяжбах в языческих судах, о беспорядках на вечерах любви, о непокровении женщинами голов своих в церкви, о неверии некоторых в воскресение мертвых. Апостолу были предложены также в особом послании и вопросы: о супружестве и девстве, о ядении идоложертвенного, о даре языков и т.п. Вследствие этого святой Апостол Павел и решился отправить в Коринф свое **Послание**, чтобы уврачевать все нестроения и дать ответ на все недоумения. При этом он обещает и сам придти к ним (1Кор. 4:19–21⁷⁶). Дополнительным поводом к написанию послания, как видно из 1Кор. 16:1–4⁷⁷, было устройство сбора денежного вспомоществования для палестинских христиан.

Время и место написания

Как это ясно видно из самого послания, оно было написано в "Ефесе". «Не хочу видеться с вами теперь мимоходом», пишет Апостол, «надеюсь пробыть у вас несколько времени, если Господь позволит. В Ефесе же я пробуду до Пятидесятницы» (1Кор. 16:7–8). В послании святой Павел пишет, что он отправил в Коринф святого Тимофея (1Кор. 16:10⁷⁸), а в Деяниях мы находим, что он послал его из Ефеса уже перед тем, как сам собирался уходить из него (Деян. 19:21–22⁷⁹). По расчету годов, это приходится на 58 или 59 год по Р.Хр.

Содержание и состав

Содержание послания, как требовал и повод к написанию его, весьма разнообразно: оно касается многих предметов, давая исчерпывающие ответы на вопросы, поставленные коринфянами. Состоит оно из 16 глав. Начинается обычным надписанием и приветствием, кончается также передачей приветствий.

Экзегетический разбор

Часть I

Первое послание святого Апостола Павла к Коринфянам отличается от других его посланий чрезвычайным разнообразием разрешаемых в нем вопросов. От ранее рассмотренного нами послания к Римлянам оно отличается еще тем, что здесь святому Апостолу Павлу приходится иметь дело не с иудейскими заблуждениями, а с греческой культурой, и греческой чувственностью, с эллинизмом, опиравшимся на философию, не чуждым глубокого проникновения в духовно-нравственную область жизни.

Начинается послание обычным надписанием и приветствием. Наряду с самим собой святой Павел смиренно упоминает и «Сосфена брата». Блаженный Феодорит и святой Димитрий Ростовский полагают, что этот Сосфен был тот самый начальник синагоги, в Коринфе, который подвергся побоям, по случаю возмущения там против Апостола Павла (Деян. 18:17). Такого же мнения держится и епископ Феофан Затворник, который говорит, что этих побоев нельзя иначе объяснить, как какою-либо соприкосновенностью Сосфена к проповеди святого Павла.

Все дальнейшее содержание послания состоит из "двух" частей: первая часть **от 1-ой до 6-ой главы** содержит преимущественно **обличения**, вторая часть – от **7-ой до 15-ой главы** содержит преимущественно **наставления** и, наконец, последняя **16-я глава** представляет собою **заключение**, в котором святой Апостол излагает соображения о сборе милостыни для палестинских христиан и о своем путешествии по дороге в Коринф, а также передает обычные приветствия.

В **первой, второй, третьей и четвертой** главах святой Апостол обличает Коринфян за распри и разделения между ними. Сначала он похвалит их веру, выражая уверенность, что Господь утвердит их в этой вере "до конца, **чтобы вам быть** неповинными в день Господа нашего Иисуса Христа» (1:8), а с 10-го стиха начинает свою обличительную речь. После святого Апостола Павла в Коринфе проповедовал его ученик Аполлос; туда же прибыли христиане, обращенные святым Апостолом Петром; были там и христиане из Палестины, слышавшие проповедь Самого Господа Иисуса Христа. Склонные к партийным распрям и держась, по-видимому, еще языческого взгляда на проповедников Евангелия, как на философов, основывавших каждый свою школу,

Коринфяне стали делиться на партии по именам проповедников евангельского учения, и называли себя: «**я – Павлов, я – Аполлосов, я – Кифин, я – Христов**». В начале в основе этого разделения лежало, конечно, лишь доброе чувство любовной привязанности к тому или иному проповеднику, но в дальнейшем такое разделение могло повести к опасным последствиям для самой чистоты веры; в нравственном же отношении это разделение и теперь повело уже ко многим недобрым явлениям в среде коринфского христианского общества, которые и обличает святой Апостол в своем послании.

Так как это разделение явилось исходной точкой упадка нравственной жизни и всех нестроений, святой Апостол с особенной силой и энергией обличает его в целых 4-х главах. В виду того, что руководители отдельных партий, по примеру языческих философов, влияли на толпу красноречием и философскими рассуждениями, святой Апостол в **первой главе** характеризует **свойства евангельской проповеди**, сравнительно с мирской мудростью – философией. Проповедь о кресте для язычников, гордых своей ученостью, кажется слишком простой и даже безумием, между тем, как для уверовавших **слово крестное – сила Божия**, дарующая спасение. В то время, как мудрость мирская (философия), оторвавшаяся от источника мудрости – Бога и пытавшаяся самостоятельно разрешить все жизненные задачи, оказалась бессильной в устройении человеческой жизни, евангельская проповедь, кажущаяся для неверных юродством (безумием), дарует людям действительно все, что необходимо, как для благоустройства их земной жизни, так, что особенно важно, для их **вечного спасения**. ""Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость» (1:22–24). Здесь важно отметить, что «Божией премудростью» («Софиєю»), в согласии со многими другими местами Священного Писания, именуется никто другой, как Второе Лицо Пресвятой Троицы. Далее Апостол говорит «потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков» (1:25), что видно из того, что «но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное» (1:27). Это наглядно сказалось в том, что бедные, незнатные и неученые рыбаки, какими были святые Апостолы, и большинство первенствующих христиан, тоже люди по преимуществу низкого звания и необразованные, силою своей веры и своею проповедью посрамили всю языческую мудрость ученых и философов и привели весь мир к подножью Креста Христова.

«Бог всяческих», говорит блаженный Феодорит, «неучеными победил ученых, нищими богатых, и рыбаками уловил вселенную». Для чего это нужно было? «Для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом» (1:29), – чтобы смирить всякую гордость и надменность, чтобы показать, что мы не можем спастись сами собою, что христианство это – **путь спасения через смирение**.

В доказательство той же мысли о простоте евангельской проповеди, чуждой обольщения красотой внешнего построения речи и внешней мудрости языческих философов, но сильной **только** содержащейся в ней **Истиной**, святой Апостол во **второй главе** вспоминает, как он приходил в Коринф в смиренном виде с простым словом о Распятом, чтобы уверование коринфян ничем не было обязано мудрости человеческой, но лишь Богу: «слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы» " (2:4), «чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой», «но на силе Божией» (2:5). Для более совершенных по вере потом открывается ведение истинной премудрости – премудрости Божией, превосходящей всякое разумение человеческое и недостижимой мудрецам мира сего. «Но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей» « – это образ устройства нашего спасения в Господе Иисусе Христе со всеми исходными его началами и с необъятными последствиями во всех областях тварного бытия (2:6–8⁸⁰). «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» " (2:9). "А нам", то есть истинным христианам, «Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все проникает, и глубины Божии» (2:10). Проповедуя о премудрой тайне спасения людей, Апостолы имеют «**ум Христов**», а потому принять их учение во всей глубине могут только люди «**духовные**», то есть утвердившиеся в духовно-нравственной жизни, переродившиеся духовно и принимающие истину не умом только, но и сердцем и волею, то есть в полном проявлении своих сил и способностей. Человек «**душевный**», то есть не очистивший еще душу свою от греховных привязанностей, живущий не духом, но низшими свойствами души, «не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно» (2:14).

Содержание **третьей главы** дает основание предположить, что в отсутствие святого Апостола Павла из Коринфа, противники его возбуждали против него христиан, стараясь унижить его учение. Они, видимо, указывали, что другие проповедники Евангелия, как например,

Апостол Петр и Аполлос более глубоко и красноречиво раскрывают истины учения Христова. Вероятно отвечая на подобного рода нарекания, святой Павел пишет: «и я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе. Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские», доказательством чему служат распри, споры и разделения на партии из-за разных учителей-проповедников. Затем святой Павел разъясняет, как нужно смотреть на Апостолов. Апостолы – только слуги Божии – «только служители, через которых вы уверовали», – а основание спасения во Христе Иисусе, ибо «никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос» (ст. 1–5 и 11). "Я насадил", говорит святой Апостол Павел: «Аполлос поливал, но возрастил Бог; посею и насаждающий и поливающий есть ничто, а все – **Бог возвращающий**. Насаждающий же и поливающий суть одно; но каждый получит награду по своему труду. Ибо мы соработники у Бога, а вы – Божия нива, Божие строение» (ст. 6–9). Ценность труда каждого такого строителя-проповедника определится на Страшном Суде. Основание одно – Иисус Христос, но на этом основании можно строить из материалов различной ценности и прочности: из золота, серебра, драгоценных камней (чистое, здоровое учение Слова Божия) или из дерева, сена, соломы, (учение, смешанное с измышлениями человеческой мудрости или пустое красноречие).

В день Страшного Суда «огонь испытает дело каждого, каково оно есть» (ст. 12–14). «А у кого дело стгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня» (ст. 15). По отзыву блаженного Августина, это изречение святого Апостола Павла относится именно к таким, которых святой Апостол Петр называет «неудобовразумительными» (2Петр. 3:16⁸¹). Эта прикровенность апостольских слов дает основание римско-католическим богословам находить в них подтверждение своему лже-догмату о загробном чистилищном огне, которым будто бы грешники очищаются по смерти. Правильному пониманию этих слов способствует то самое сравнение с пожарным огнем, охватившим дом, которое проводит святой Апостол чрез свою речь. «Кругом огонь, надо бежать сквозь него. Что тут бывает? Иной пробежит почти неопаленный, другие в разных степенях опаления, а иной так и остается в огне. Подобное сему будет с теми, коих на огне суда домики (дела) погорят. Одни пойдут в огонь, другие получают иные разные степени наказания, а иные и помилованы будут. Ибо хотя все они виноваты, что строили не из прочного материала, но виновность их может

иметь разные степени. Иной может быть и без вины виноват: трудился над строением непрочным, не зная лучшего образа строения; или может быть по обстоятельствам не успел взяться за лучшее, или еще почему-либо заслуживает извинения» (еп. Феофан Затворник). Может быть, сама паства виновата, что оказалась гнилым материалом. Тогда пастырь избегнет осуждения, после строгого пересмотра его жизни на неподкупном суде Божиим (спасется так, как бы из огня).

Поэтому учителям-проповедникам надо с большой осмотрительностью и осторожностью строить здание Христовой Церкви, памятуя, что каждый христианин есть храм Божий, так как Дух Божий, через таинства им в себя принятый, живет в нем: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?» (ст. 16). Суетные человеческие мудрования могут разорить этот храм, потому, что «мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (ст. 19). «Вы же – Христовы» (ст. 23), то есть коль скоро вы уверовали во Христа и стали членами Его Церкви, вы принадлежите Единому Христу, а потому прилично ли вам разделяться из-за Павла, Аполлоса, Кифы или других каких учителей?

Часть II

В **четвертой** главе святой Апостол указывает, что, оценивая сравнительное значение Апостолов и становясь таким образом как бы их судьями, Коринфяне проявили недостаток главной христианской добродетели – **смирения**. Гордясь своим духовным разумением, Коринфяне забыли, что если и есть у них что ценного, то это получили они от Апостолов, судить о которых можно разве только по степени их верности порученному им делу проповеди, а не по каким-либо внешним качествам, зависящим лишь от природных дарований (как судили о языческих риторях и философах). Чтобы вразумить Коринфян и возбудить в них чувства признательности и благодарности всем Апостолам **равно**, как трудящимся для их блага, святой Апостол сравнивает их положение со своим. Не успели вы, как бы говорит он, вкусить еще и начатка от плодов веры, а «Вы уже пресытились, вы уже обогатились, вы стали царствовать без нас» (Ст. 8). «Мы еще бедствуем, подвергаемся страданиям за проповедь, а вы уже и царством насладились» (Феодорит), держите себя так, как будто настало уже царство славы, розданы венцы, настало блаженное ликование. Но как же это без нас? Мы трудимся, терпим всякого рода лишения, а вы уже и в царство будто вступили» (еп. Феофан Затворник). И Апостол рисует картину всевозможных скорбей и лишений, какие претерпевают проповедники Евангельского учения: «нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти, потому что мы сделали позорищем для мира, для Ангелов и человеков. Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии» (Ст. 10) Эти противоположения надо понимать в смысле обличительной иронии. Впрочем еп. Феофан Затворник толкует это иначе: труды и лишения Апостолов служат к славе и чести и утверждению в вере тех, кто уверовал через их проповедь. Заканчивает свое обличение святой Апостол уверением, что делает он это «не к постыжению» их, но к вразумлению, как «*возлюбленных детей*» своих. «Не к постыжению вашему пишу сие, но вразумляю вас, как *возлюбленных детей* моих. Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием. Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу» (ст. 14–16).

Важное место! Святой Апостол говорит, что хотя Коринфяне имеют «тысячи наставников», но «не много отцов» и что он "**родил**" их «во Христе Иисусе благовествованием", то есть является их **духовным**

отцем. Сам святой Апостол Павел называет себя «**отцом**» обращенных им в христианство, а между тем сектанты, неосновательно ссылаясь на слова Господа Иисуса Христа, обращенные Им только к Апостолам в Матф. 23:9⁸², отказывают православным христианским пастырям в праве именоваться «отцами» верующих. Для вразумления Коринфян святой Апостол посылает им доверенного ученика своего Тимофея и обещает вскоре и сам к ним придти. Противники святого Апостола Павла, видимо, распускали слух, что он четыре года уже не посещает Коринфа из боязни встречи там со своими соперниками, более его сильными в слове. Апостол обещает, при посещении Коринфа испытать «не слова возгордившихся, а силу, ибо Царство Божие не в слове, а в силе» – в жизни и в делах (ст. 17–20⁸³).

Пятая и шестая главы содержат обличения нравственных недостатков.

Вся **пятая глава** посвящена обличению блудника-кровосмесника, который взял себе в жену «жену отца своего», то есть, надо полагать, мачеху. Святой Павел укоряет Коринфян, что они возгордились, «вместо того, чтобы лучше плакать» то есть – не следовало бы Коринфянам высоко о себе думать, если возможны среди них такие гнусности. Во избежание дальнейшего соблазна, святой Апостол повелевает еще до своего прихода "предать" виновного «сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа» (ст. 1–5). Это не только отлучение от Церкви, вне которой «область сатанина», но и действительное наказание, как говорит святой Иоанн Златоуст, подобное тому, что было с Иовом, «хотя не с одинаковою силою: там для славнейших венцов, а здесь для разрешения от грехов, дабы сатана наказал его злокачественными ранами или другою какою-нибудь болезнью». «Плотской грех в плоти и наказывается», поясняет еп. Феофан Затворник: «изможденная плоть ослабит узы греха, и даст простор духу покаяться». «Разве не знаете, что малая закваска квасит все тесто?» – такое строгое наказание необходимо для того, чтобы этот худой пример не заразил и других (ст. 6). Христиане вообще должны быть «новым тестом», в котором не может быть места никакой порочной закваске, то есть никакой греховной страсти. «Так как вы бесквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас» – как перед лицом агнца пасхального у Израильтян ни в одном доме не оставалось ничего квасного, так у нас перед лицом нашего Агнца пасхального, Христа Господа, не должно быть ничего греховного и страстного (ст. 7–8⁸⁴). Эти два стиха с присоединением к ним ст. 13–14 из 3-й гл. Галатам⁸⁵ составляют Апостольское чтение на утрени Великой субботы. В связи с

грехом кровосмесника Апостол заповедует вообще не иметь никакого общения с теми, которые называя себя христианами, не оставляют своей порочной жизни: «с таким даже и не есть вместе» (ст. 9–12)". «Извергните развращенного из среды вас» – Апостол указывает что такое изъятие грешника, ради освобождения общества от греховной заразы, заповедалось еще в Ветхом Завете (Втор. 17:7⁸⁶).

Первая половина **шестой главы** посвящена обличению за тяжбы пред неверными в языческих судилищах (ст. 1–8), а вторая половина содержит обличения страстной жизни вообще и чревоугодия и блуда в частности. Святой Иоанн Златоуст замечает, что собственно предшествующая речь о внутреннем суде над кровосмесником расположила Апостола сказать о том, что и внешние житейские дела христиане должны разбирать сами, не доводя их до языческих судей, после чего Апостол опять возвращается к прежнему предмету – обличению блудной и вообще чувственной жизни. «Разве не знаете, что святые будут судить мир?» « – Апостол говорит, как о чем-то общеизвестном, что «святые», то есть христиане «будут судить мир», а потому недостойно им обращаться в языческие судилища. «Судить» в смысле «осудят», как по словам Господа, «царица Южная восстанет и осудит род сей», и «Ниневитяне восстанут и осудят род сей» (Матф. 12:41–42), «сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Матф. 19:28) в том смысле, что уверовавшие и ставшие христианами послужат в осуждение тем, которые не уверовали. «Разве не знаете, что мы будем судить ангелов» – здесь имеются в виду ангелы падшие, то есть демоны. И здесь «мы будем судить» сказано в том же смысле: «осудим».

Далее святой Апостол указывает, что сами по себе тяжбы неприличны для христиан, обязанных жить по-братски (ст. 7⁸⁷). Особенно же предосудительны эти тяжбы, если они ведутся по греховным поводам с целью обидеть брата, отнять принадлежащее ему. Отсюда святой Апостол переходит к обличению всякого рода грехов, которых не должно быть в христианском обществе, как обществе святых (ст. 8–11⁸⁸). После этого Апостол вновь переходит к обличению блуда. Эти стихи 12–20 и читаются в неделю о Блудном Сыне. «Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» – судя по тому, что дальше говорится о "пище", здесь говорится прежде всего о том, что можно вкушать всякого рода пищу. Но этой свободе христианина Апостол полагает два ограничения: первое – польза, второе – чтобы себя ничем не связать и во имя мнимой свободы таким образом не потерять свободы истинной – свободы от всякого пристрастия и греха. Поэтому христианин

должен беречь себя от порабощения чувственностью: **чревоугодием** и связанной с ним страстью **блуда**. Преступность блуда в том, что он оскверняет и душу и тело и является святотатством, ибо тела наши, как и души, являются членами Христовыми и принадлежат Богу: блудник же нарушает свое единение с Господом и оскверняет свое тело, являющееся храмом живущего в нас Святого Духа (ст. 12–13⁸⁹; 15–16⁹⁰; 18–19⁹¹). «Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии» – заканчивает свою обличительную речь Апостол.

Часть III

С седьмой главы начинается "вторая" часть Послания, содержащая **наставления в нравственной христианской жизни**. В связи с последней обличительной речью о блуде, святой Апостол прежде всего дает наставления, касающиеся **брака и безбрачной жизни**, или **девства**. Основная мысль всех этих наставлений та, что девство выше брака, а потому должно быть предпочтительно христианами; но кто чувствует себя не в силах вести строго-девственную жизнь, тому лучше жениться, нежели разжигаться, то есть поработить свою душу блудной страсти и подвергаться постоянной опасности впасть в блуд. Таким образом, первая нравственная цель брака – избежание блудодеяния (ст. 1–2⁹²). Муж и жена принадлежат друг другу всецело и не властны сами над собой: воздержание от брачной жизни допустимо для них лишь по взаимному согласию (ст. 3–6⁹³). Желая добра всем, святой Апостол ставит в пример безбрачным и вдовам свое собственное безбрачие, как лучшее состояние (ст. 7–8⁹⁴). Те же, кто неспособны понести подвиг безбрачия, должны вступать в брак, но строго хранить при этом супружескую верность и не разводиться, даже в том случае, если один из супругов неверный, ибо воля Господня вообще такова, чтобы всякому оставаться в том звании, в каком кто призван к христианству (ст. 10–24).

"Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим. Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы» (ст. 14) – смысл этого не совсем понятного изречения тот, что брак не должен быть расторгнут в том случае, если только один из супругов уверовал, а другой остался язычником. Иначе сказать, объясняет еп. Феофан Затворник: «брак твой, верная жена, с мужем неверным, не превратился в незаконное сожитительство от того, что ты уверовала; напротив, твое уверование осватило сей брак и мужа твоего в брачном отношении». Равным образом и дети от такого брака не должны рассматриваться, как «нечистые» в смысле – незаконнорожденные. Цель у Апостола та, чтобы предотвратить распадение семейств, которое могло бы наделать много шума и вредно повлиять на дело проповеди. С другой стороны, коль скоро муж и жена неверные не отвращаются от жены и мужа верных, то есть надежда, что и они со временем обратятся, как это и говорит Апостол прямо в 16 ст.⁹⁵

С 25 по 40 ст. Апостол ярко выставляет преимущества безбрачия: безбрачные свободны от «скорбей по плоти», то есть скорбей и печалей

всякого рода, связанных с брачной жизнью, каковых очень много (ст. 25–28⁹⁶); скоротечность нашей жизни и ожидание второго пришествия Христова и Страшного Суда Божия должны побуждать христиан к такому внутреннему настроению, при котором «имеющие жен должны быть, как не имеющие» (ст. 29–31⁹⁷); *"неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене"* и т.д. (ст. 32–35⁹⁸) – брачная жизнь создает много забот, которые мешают всецело угождать Господу, отвлекают от служения Богу. Поэтому, заключает Апостол свои наставления, лучше оставаться в девстве, хотя кто вступает в брак, тот этим не творит греха. (ст. 35–40).

В восьмой главе Святой Апостол дает наставление о характере христианской свободы по поводу вкушения идоложертвенного. Христианская свобода не в том, чтобы делать все, что заблагорассудится, руководясь своим знанием истины, которое само по себе способно надмевать, а в том, чтобы ограничивать себя во имя любви. Справедливо считая идолов за ничто, Коринфяне свободно входили в идольские капища и участвовали там в трапезах, вкушая идоложертвенное. Этим они соблазняли тех братьев, которые еще не возвысились до такого понятия о ничтожестве идолов, и, по мнению которых, вкушать идоложертвенное значило вступать в общение с идолами (это называет Апостол «идольскою совестью» – ст. 7⁹⁹). При виде братьев, вкушающих идоложертвенное, немощная совесть их осквернялась. Сама по себе «пища не приближает нас к Богу: ибо едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем» (ст. 8), но надо помнить, что человек не есть только животное, а нравственно-свободное существо, а потому и все деяния его, в том числе и ядение или неядение пищи, кроме физиологического, имеют еще и нравственное значение. Следовательно, не всегда может быть безразлично и безгрешно есть или не есть известного рода пищу, напр. идоложертвенную или скоромную во время установленного Церковью поста. Поэтому решительно заключает Апостол: *«если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего»* (ст. 13).

Часть IV

В девятой главе святой Апостол продолжает развивать ту же мысль о разумном пользовании христианской свободой – о необходимости ограничивать ее во имя высших целей. Здесь он говорит о своем праве получать содержание от обращенных им верующих, основываясь на

древнем установлении: «священнодействующие питаются от святилища и служащие жертвеннику берут долю от жертвенника» (ст. 13). Но он сам добровольно отказывался от этого законного права для того, чтобы «не поставить какой преграды благовествованию Христову» (ст. 12). Всем и всегда он служил бескорыстно, приспособляясь к нуждам и состоянию всех и отказывая себе в необходимом, единственно ради успеха евангельской проповеди (ст. 15–23). «Для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона – как чуждый закона, – не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, – чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (ст. 20–22) – это образцовое правило так называемого «пастырского применения», которое широко употреблял Апостол Павел, снисходя к немощам всех классов и состояний современного ему общества для того, чтобы спасти хотя некоторых. Все вышесказанное святой Апостол прилагает затем к Коринфянам. Указав в себе пример того, как надо воздерживаться от личных пожеланий и потребностей, ради пользы ближних, святой Апостол хочет склонить к тому же и Коринфян. Для этого он употребляет хорошо им знакомый образ бегущих на ристалищах (Коринф славился Истмийскими играми) и борцов, которые для получения тленных венцов «воздерживаются от всего», что может сделать тучным и тем расслабить их тело. «Так бегите, чтобы получить», увещевает Апостол (ст. 24–25). Тут Апостол снова приводит в пример себя, говоря, что он бежит не так, как на неверное, и подвизается «не так, чтобы только бить воздух», то есть не напрасно, не без цели, не так, как упражняющиеся борцы, которые, по словам блаженного Феодорита, «упражняясь, вместо противника против воздуха приводят в движение руки», но наносит действительные удары врагу диаволу. Для достижения цели он «усмиряет и порабощает тело свое», «дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным». Здесь законоположение христианского аскетизма: без обуздания потребностей тела, невозможно искоренение греховных страстей, невозможно преуспеяние в духовной жизни.

Десятая глава опять направлена против вкушения идоложертвенного. Главная мысль ее та, что вкушающие идоложертвенное причащаются бесовской трапезы. Сначала святой Апостол устрашает Коринфян случаями грозного суда Божия за уклонение к идолослужению из ветхозаветной истории Израильтян. Здесь важна в начале параллель между Израильтянами и христианами: «Отцы наши все были под облаком,

и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море» – прохождение через Чермное море было прообразом крещения, а Моисей был прообразом Христа. «И все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питие: ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос» (ст. 1–4). Пища духовная – манна, прообразовавшая Тело Господа, а пиво духовное – вода, чудесно источенная из камня, прообразовавшая кровь Господа. Мысль та, что Подателем благодатных даров людям, как в Ветхом, так и в Новом Завете, был Один и Тот же **Христос**. Это место из Апостола читается на Богоявление при великом освящении воды. Перечислив случаи нравственного падения Израильтян и кары Божией за них, Апостол предостерегает Коринфян от опасности поддаться искушению со стороны языческих соблазнов, если они будут принимать участие в трапезе с язычниками: «кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть» (ст. 5–12). С 15–22 ст. Апостол внушает, что вкушение идоложертвенного есть общение с бесами, как участие в трапезе бесовской, ибо «язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу» (ст. 20).

С 23 по 33 ст. Апостол дает указания, как обходиться с пищей, чтобы не согрешить употреблением идоложертвенного. Прежде всего он снова повторяет мысль 6 гл. 12 ст., говоря: «все мне позволительно, но не все полезно» ибо Коринфяне спокойно участвовали в языческих трапезах, опираясь на право христианской свободы, злоупотребляя им. Апостол разрешает есть все, что продается на торгу, разрешает есть и все предлагаемое в гостях, хотя бы и у неверных, но «если кто скажет вам: это идоложертвенное, – то не ешьте, ради того, кто объявил вам», христианин ли то или язычник: в первом случае, чтобы не соблазнить его, а во втором, чтобы оберечь свое христианское достоинство от искусителя. Все соображения Апостол покрывает всеобщим правилом: «Итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию» (ст. 31) – дороже всего для нас слава Божия, и ее то мы и должны иметь всегда прежде всего в виду при всех случаях нашей жизни.

Одиннадцатая глава содержит обличение и исправление некоторых непорядков при церковных собраниях, именно: 1) непокровения женами голов в церкви и 2) недостойного поведения на вечерах любви.

Сущность первого наставления в том, что на общественных церковных собраниях женщины должны присутствовать с покрытой головой, а мужчины с открытой. Святой Иоанн Златоуст объясняет это наставление тем, что в Коринфе «женщины с открытыми и обнаженными головами и молились и пророчествовали, а мужи отращивали волосы,

подобно занимавшимся философией, и покрывали свои головы, когда молились и пророчествовали, придерживаясь в том и другом языческого закона». Святой Апостол, находя это неприличным для христиан, требует от жен, чтобы они покрывали свои головы в знак своего подчиненного положения относительно мужа. Кроме того, в те времена женщины-язычницы ходили в свои капища открыто с нечистыми целями, и обнажение головы для женщины считалось знаком ее бесстыдства. Распутная женщина наказывалась за распутство снятием волос, почему Апостол и говорит: «если жена не хочет покрываться, пусть стрижется» (ст. 1–6)». «Сначала муж», говорит еп. Феофан Затворник, «по образу Божию, а потом как бы уже по мужнину образу из него жена, которая «и есть потому образ образа, или есть отблеск славы мужа». «Посему жена и должна иметь на голове своей знак власти над нею, для Ангелов» (ст. 10). «Если ты», говорит святой Иоанн Златоуст, «не обращаешь внимания на мужа, то постыдись Ангелов». Это покрытие жены есть, таким образом, знак ее скромности, покорности и подчинения мужу. Но чтобы муж не превозносился над женой и не злоупотреблял своим главенством, Апостол далее говорит: «впрочем ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе; ибо как жена от мужа, так и муж через жену; все же» – "от Бога" (ст. 11–12). «Не сама ли природа учит вас, что если муж растит волосы, то это бесчестие для него?» – этими словами любят пользоваться сектанты против православных священников, носящих длинные волосы. Но здесь речь идет не о священниках, а о рядовых верующих и имеется в виду общепринятый обычай, в силу которого только женщины отращивают волосы, а мужчины стригутся. Сектанты забывают при этом, что, по повелению Самого Бога, мужчины давшие обет назорейства, должны были отращивать свои волосы (Числ. 6:5¹⁰⁰). Отращивание волос у современных православных священников и монахов, имеет в себе точно ту же самую идею назорейства, то есть посвящения себя Богу.

С 17 по 34 стих святой Апостол обличает непорядки, происходившие у Коринфян на вечерах любви. Как в первой христианской общине в Иерусалиме было все общее, и все верующие сходились вместе, чтобы вкушать пищу за общим столом, так обычай этот долгое время еще сохранялся и поддерживался во всех древних христианских общинах. По окончании Богослужения и причащения Святых Христовых Тайн устраивалась для всех общая трапеза, причем богатые приносили яства, а бедные, ничего не имевшие, приглашались ими и таким образом вкушали пищу все вместе. Это и были так называемые «**вечери любви**». Апостол обличает Коринфян прежде всего в том, что, когда они собираются в

церковь, «между ними бывают разделения», то есть что они делятся на группы, или по семьям или по знакомствам, забывая бедных, чем разрушалась самая цель установления этих «вечерь любви». Располагая к благоговейному участию в вечерах любви святой Апостол говорит в ст. 23–32 об учреждении Таинства Евхаристии, совершение которого обычно предшествовало вечерам любви. Это место положено по уставу читать на литургии Великого Четверга. Тут для нас особенно важны слова: «кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней». Эти слова примечательны по их догматической важности: хлеб есть истинное Тело Христово, значит, а вино – Истинная Кровь Христова, а не только символы, как нечестиво учат крайние протестанты и сектанты. Поэтому и говорит дальше Апостол: «да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей» – то есть желающий причаститься должен подготовить себя к этому испытанием совести и устранением препятствий к достойному причащению. Для этого в Православной Церкви и установлено пред причащением говение и исповедь. Это совершенно необходимо, ибо «кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем» (ст. 27–29). В заключение в ст. 33–34¹⁰¹ Апостол увещевает, чтобы на вечерах любви «ждали друг друга», то есть вкушали пищу чинно, не бросаясь с жадностью и упреждая других. «*Прочее устрою, когда приду*» (ст. 34) – это важно: все от Апостолов – все порядки в Церкви установлены ими, хотя и не все изложено в Священном Писании.

Часть V

Двенадцатая глава говорит о **духовных дарах** в Церкви. Отличительной особенностью жизни Церкви Христовой в век Апостольский было чрезвычайное проявление благодати Божией, в виде духовных дарований, какими обладали верующие. Апостол перечисляет здесь следующие духовные дарования: дар мудрости, знания, веры, чудотворения, пророчества, различения духов, дар языков, и их истолкования. Эти дарования должны были содействовать успеху евангельской проповеди среди неверующих. Но среди Коринфян многие стали смотреть на эти благодатные проявления Духа Святого, как на повод к тщеславию и превозношению. Пытаясь овладеть более поразительным даром, некоторые впадали даже в самообольщение, и не обладая никаким даром, неистовствовали, произнося нечленораздельные и никому не понятные слова, а иногда, в омрачении ума и сердца, выкрикивали

богохульные мысли, произнося, например, анафему на Иисуса. Тут сказалося влияние языческих прорицательниц в роде Пифии или Сибиаллы. В искусственно-вызываемом ложном вдохновении, они с пеной у рта, с распущенными волосами выкрикивали или непонятные или двусмысленные изречения и производили сильное впечатление на людей, настойчиво домогавшихся у них ответов. Таковы, например, и современные сектанты – хлысты, пятидесятники.

Апостол предостерегает христиан от языческого взгляда на духовные дарования и отношение к ним. Он разъясняет, что все духовные дарования в Церкви есть действия Единого Духа Божия (ст. 3–11). Поэтому как не может находящийся под наитием Святого Духа произнести хулы на Бога, так не должно быть никакого соперничества между обладающими различными духовными дарованиями. Как тело человека состоит из разных членов, и каждый из них имеет свое особое определенное назначение, и между ними не может быть соперничества, так и в Церкви не может быть соперничества между христианами, составляющими единое Тело Христово, в котором каждому поручено свое особое служение: одним Апостольское, другим пророческое, третьим учительское, иные получили дар чудотворения, иные – исцеления, вспоможения, управления, разных языков (ст. 12–30). Апостол советует Коринфянам ревновать о «дарах больших». Большой же из всех благодатных даров это дар любви. Ему и посвящена следующая глава.

Тринадцатая глава справедливо именуется некоторыми «дивным гимном христианской любви». Только одна любовь и дает истинный смысл и истинную цену духовным дарованиям и подвигам человеческим. Без любви человек может говорить всеми языками человеческими и даже ангельскими, но речь его будет, «медь звенящая или кимвал звучащий». Без любви человек – **ничто**, хотя бы он имел дар пророчества и знал все тайны, и имел все познания и всю веру, которая двигала бы горами. Без любви не имеют никакого значения даже такие подвиги самоотвержения, как раздача всего своего имени и предания тела своего на сожжение.

Ст. 4–7¹⁰² посвящены характеристике любви. Свойства любви таковы, что она поистине является исполнением всего закона, по выражению святого Апостола Павла в Римл. 13:10¹⁰³. Это – долготерпение, милосердие, отсутствие зависти, хвастовства, гордости, духа бесчинства, бескорыстие, негневливость, забвение обид и оскорблений, отсутствие радости при несчастьях других, любовь к правде, полная вера, твердая надежда и готовность переносить всякие скорби. Проповедь, дар языков и знания суть только временно-необходимые дарования, а любовь останется

вечно, она «никогда не перестает» (ст. 8–10). То можно назвать лепетом, мыслями и рассуждениями младенца, а любовь есть принадлежность совершенного человека, когда он увидит Бога, не как сквозь тусклое стекло, не гадательно, но лицом к лицу и познает Его не отчасти, но вполне, точно так, как теперь знают человека (ст. 11–12¹⁰⁴). «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (ст. 13) – это самые высшие дарования, но и из них выше всех **любовь**, потому что как говорит святой Иоанн Златоуст, «вера и надежда прекращаются, – когда являются блага, составляющие предмет веры и надежды» (то есть в будущем веке). «В будущей жизни излишня вера», говорит блаж. Феодорит, «когда явным соделаются самые вещи» (т.е. когда воочию явлен будет объект верования). Также излишня там и надежда. Но любовь тем паче возимеет силу, когда упокоятся страсти, тела сделаются нетленными, а души не будут избирать ныне то, а завтра другое».

В **четырнадцатой главе** святой Апостол говорит о пользовании двумя духовными дарами: **даром пророчества** и **даром языков**. Сначала в ст. 1–25 он раскрывает превосходство первого дара над вторым, потом в ст. 26–38 наставляет, как надлежит пользоваться тем и другим даром в церкви и, наконец, в ст. 30–40 делает заключительный вывод о сих двух дарах, подчеркивая, что в церкви все должно быть «благообразно и по чину». Превосходство дара пророчества пред даром языков то, что кто пророчествует, то есть понятно изрекает волю Божию не только о будущем, но и прошедшем и настоящем, тот говорит людям в назидание, увещание и утешение, а говорящего на незнакомом языке никто не понимает, кроме знающих этот язык. Для непонимающих этого языка говорить так – значит «говорить на ветер». Это все равно, что нестройные и спутанные звуки разных инструментов (ст. 7–9¹⁰⁵). Чрезмерное увлечение даром языков есть своего рода **младенчество и ребячество**, недостойное совершенных христиан. Поэтому, увещает Апостол: «не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни» (ст. 20). Смысл этого наставления тот же, что в словах Христовых: «будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (**Матф. 10:16**), то есть: не знайте злобы как младенцы, но по уму будьте совершеннолетними. Такое младенческое увлечение даром языков есть и пренебрежение к верующим (ст. 22¹⁰⁶) и подавание повода к посмеянию от неверных (ст. 23¹⁰⁷). Общее правило для всех обладателей чрезвычайных благодатных даров: «все сие да будет к назиданию», то есть: все должно быть к общему назиданию (ст. 26). Если есть говорящие на иностранных языках, то они должны говорить не все сразу, а порознь, а

один должен изъяснять; пророчествующие тоже поучать по очереди и тотчас прекращать слово, когда иные получают откровение, чтобы не было беспорядка в церкви, ибо «Бог не есть Бог неустройства, но мира» (ст. 27–33). «Жены ваши в церквах да молчат» (ст. 34) – научая женщин скромности и повиновению мужьям, святой Апостол запрещает им не только учить в церкви, но даже спрашивать о чем-нибудь: «ибо неприлично жене говорить в церкви» (ст. 35). В заключение Апостол предлагает ревновать о даре пророчества, но не запрещает говорить и языками, напоминая, что главное в церкви это благопристойность и порядок: «всё должно быть благопристойно и чинно» (ст. 40).

Пятнадцатая глава представляет собою чрезвычайно важный в догматическом отношении трактат о **воскресении мертвых**. Надо полагать, что среди Коринфских христиан, под влиянием языческих философов, являлись сомнения в великой истине воскресения мертвых. Когда Апостол Павел стал говорить о воскресении мертвых в Афинах, то некоторые насмеялись над ним (Деян. 17:32¹⁰⁸). Подобные философы, которым воскресение мертвых казалось невероятным, могли быть и в Коринфе. Одни, видимо, совсем отвергали воскресение мертвых, другие говорили, что надо понимать его аллегорически и что оно уже было, так как под ним надо понимать очищение души. В послании к Тимофею (2Тим. 2:17–18¹⁰⁹) святой Павел назвал это нечестивое учение гангреной (раком) и указал распространителей его – Именея и Филита, которые говорили, что воскресение уже было. Некоторые только недоумевали, как восстанут мертвые и в каком теле. Прежде всего святой Апостол доказывает истину воскресения Господа Иисуса Христа из мертвых, ссылаясь на явления Воскресшего Христа Петру (Кифе), двенадцати Апостолам, 500 братьям, Апостолу Иакову, всем другим ученикам Христовым и, наконец, самому Апостолу Павлу (ст. 1–8). Из истины Воскресения Христова святой Павел выводит затем, как неизбежное следствие, истину и общего воскресения всех в predetermined Богом время, ибо Своим воскресением Христос положил начало и нашему воскресению, как «первенец из умерших» (ст. 20¹¹⁰).

Если только допустить мысль, что всеобщего воскресения не будет, то надо отвергнуть тогда и истину воскресения Христова. А это отрицание ниспровергает все христианство, ибо «если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (ст. 14). Между тем проповедь Апостолов сопровождалась столь поразительными знаменами и такими замечательными дарами Святого Духа, что назвать ее тщетной никто из благоразумных людей не решился бы. «А если Христос не

воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших» (ст. 17), «поэтому и умершие во Христе погибли, и если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков» (ст. 18–19). Ибо на чем основывается вера в отпущение грехов? На том, что Христос, умерши на кресте, принес за них искупительную жертву, а то, что жертва сия принята, это свидетельствуется Его воскресением. Если Он не воскрес, то жертва Его не принята, и смерть Его обыкновенная человеческая смерть, не могущая иметь искупительного значения. Тогда и умершие в вере и претерпевшие мученичество за Христа – не более, как несчастные, погибшие люди. Тогда христиане вообще оказываются несчастнейшими из людей: и здесь всего лишаются, подвергаясь гонениям и сами себя ограничивая, и там, в будущей жизни, на которую надеются, ничего не получают. Тогда нет никакого смысла руководиться в жизни нравственными правилами и бороться со своими греховными склонностями. Тогда больше смысла будет руководиться правилами языческой школы эпикурейцев: «станем есть и пить, ибо завтра умрем» (ст. 32). Таким образом отрицание воскресения мертвых есть подрыв всей христианской нравственности.

Далее Апостол из истины воскресения Христова выводит истину всеобщего воскресения мертвых, ибо Христос – родоначальник обновленного Им человечества, Новый Адам: «как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут» (ст. 20–28). Далее Апостол говорит, что отрицание истины воскресения мертвых привело бы к признанию бессмысленности крещения, которое не имело бы никакого смысла, все труды и подвиги Апостолов были бы тогда тщетными и вся нравственность ниспроверглась бы (ст. 29–32). Желая предостеречь Коринфян от вредного для них общения с язычниками, которые, по-видимому, и заразили их неверием в бессмертие, Апостол употребляет древнее присловье: «худые сообщества развращают добрые нравы» и стыдит их, что они «не знают Бога», то есть по язычески не представляют себе всемогущества Божия, которое сильно воскресить умерших (ст. 33–34).

В ст. 35–53 Апостол говорит об образе воскресения мертвых: сначала он решает вопрос, как воскреснут тела умерших, то есть какой силой (ст. 36–38), потом: в каком виде воскреснут они (ст. 39–50) и, наконец, как совершится самое воскресение (ст. 51–53). Первый вопрос Апостол решает, сравнивая тело человека с зерном. Как зерно, чтобы дать росток, должно предварительно подвергнуться тлению, так и тление тел умерших людей не может рассматриваться, как препятствие к воскрешению их силой Божьей. На второй вопрос Апостол отвечает, что тела воскресших

людей будут отличны от нынешних грубых тел: это будут тела «духовные», подобные телу Воскресшего Христа: они будут нетленны, ибо «плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления» (ст. 50), а потому: «не все мы умрем, но все изменимся» (ст. 51), то есть те, кто еще будут жить в момент общего воскресения, мгновенно изменятся, и тела их также станут духовными и нетленными. *«Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие».* (ст. 53). Все эти духовные тела будут славны в различной степени, в зависимости от нравственного совершенства каждого человека (ст. 39–49). Заканчивает свои мысли о воскресении мертвых святой Апостол торжественными словами пророков Исаии о том, что некогда «поглощена будет смерть навеки» и Осии: «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» (Ис. 25:8¹¹¹ и Осии 13:14¹¹²) и благодарением Богу, дарующему нам победу над смертью, после чего внушает быть твердыми и непоколебимыми в христианской вере и жизни, зная, «что труд ваш не тщетен пред Господом» (ст. 54–58).

В **шестнадцатой главе** Апостол дает наставление относительно сбора пожертвований для Иерусалимских христиан, затем обещает сам придти в Коринф из Ефеса через Македонию, просит дружелюбно принять Тимофея, вновь внушает бодрствовать, мужественно и твердо стоять в вере, передает приветствия от Асийских церквей, от Акилы и Прискиллы и всех братьев, а тем, кто не любит Господа Иисуса Христа, возглашает «анафему, маран-афа», что значит: **«да будет отлучен До пришествия Господа»**. Вот, где обоснование той «**анафемы**», которая возглашается в наших храмах в Неделю Православия. Заключает послание обычным Апостольским благословением.